Ремо Факкани

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ ОТСТУПЛЕНИЯ НА СЕРЬЕЗНЫЕ ТЕМЫ

1.

Все, кто испытывает интерес к берестяным грамотам, вряд ли не предаются игре воображения с некоторыми лицами, чьи имена прочерчены в этих текстах.

Например, такая фигура, как Петрок, Петр Михалкович, после того, как Алексей Гиппиус столь блестяще и остроумно восстановил общественные и частные события его жизни, безусловно понравилась бы Данте Алигьери, и тот мог бы, вероятно, включить её в состав персонажей «Божественной комедии».

Изгнанный навсегда из родной Флоренции в 1302 году, Данте, в течение 1306-1308 годов, мог, как думают некоторые биографы, учиться в Парижском университете. Итак, пришла мне в голову мысль сочинить «апокрифическую» песнь Дантовской «Комедии», посвященную жизни Петрока, – или хотя бы отрывок песни.

Я придумал следующую ситуацию. В Париже наш поэт познакомился с гиперборейским школяром (студентом) родом из Новгорода, – «бродячим» школяром (как это часто бывало в средние века), прибывшим во Францию после кратких и не очень приятных остановок в главных немецких городах. (В этой связи Данте однажды читал ему издевательское стихотворное письмо злого тосканского «сонетиста»: «Се кланяюсь тебе, мой друг старинный, | Из Алемании противной, подлой. | Узнай, что этой брагой, тухлым пойлом, |Я заменил изысканные вина…» и т. д.).

Во время их разговоров – на латыни – по парижским уличкам и в парижских кабаках – оказалось, что семья молодого новгородца восходит «per li rami» (как выразился бы Данте) к очень видному новгородскому деятелю XII века Петроку. Школяр рассказал Данте историю своего предка, передаваемую в его роду из поколения в поколение.

Он рассказал о том, что Петрок был почетным новгородцем, лояльным, осмотрительным канцлером разных новгородских князей, в том числе одного из сыновей Юрия Долгорукого – Мстислава, за которого в середине XII века отдал замуж любимую свою дочь Настасью («dilectam filiam suam Nastasiam in matrimonium dedit»), – и о том, как после его смерти в отношении его произошла полная «damnatio memoriae», уничтожение исторической памяти.

Судьба Петрока поразила и глубоко тронула Данта, тоже потерпевшего страшные обиды и несправедливости от своих нахальных, сварливых земляков. И знаменитый флорентиец – как я представлял себе – решил воссоздать, «олитературить» образ Петрока и уберечь память о нем, вернув ему голос и то, что новгородцы захотели у него отнять – даже его бытие.

Плодом моего замысла был следующий маленький пучок терцин, в написании которых участвовал и незабываемый друг и коллега Николай Михайлов.

Из воображаемого рассказа Петрока-новгородца

Я тот, кто оба сберегал ключа
От сердца Федерика…
Данте, «Ад», XIII, 58-59
(пер. М. Лозинского)

От сердца сына Юрьева – Мстислава
И волховских других князей – *клюца*
Я оба верно сберегал, но славу

И даже имя с моего лица
Там в Городе стер летописец злобный,
Что память обо мне во всех концах

Земли решил испепелить. Подробно,
Как это было, вам я расскажу,
Коль вы мои слова принять способны. –

И трудный век свой в повесть преложу.
……..

По неожиданным обстоятельствам написание рассказа Петрока прервалось, увы, после этих вступительных строк. (Осталось несколько черновых стихов и полустиший, о которых говорить не стоит).

Примечания. Смысл первых трех стихов: «Я, Петрок, лояльно, преданно хранил ключи милости и немилости от сердца нескольких новгородских князей – в частности молодого Мстислава Юрьевича…». Приблизительно так говорил о себе у Данте средневековый поэт и юрист Пьеро делла Винья, бывший канцлер и советник императора Федерика/Фридриха Второго (1194-1250).

Как известно, Мстислава, сына Юрия Долгорукого, новгородцы посадили в январе 1155 г., а княжил он в Новгороде лишь 2 года и 1 месяц.

В рассказе Петрока Город – это Город par exellence, т. е. Новгород.

«Земли» = «Новгородской земли».

Способны ли Данте и его «учитель-проводник» Вергилий, не знающие древненовгородского диалекта, понимать речь Петрока? Способны, конечно. Впрочем, они не могли владеть древнегреческим диалектом Одиссея /Улисса, а все-таки Данте записал длинный замечательный рассказ прямо из уст царя мифического царя Итаки.

***

2.

Весной 2010 г., если мне не изменяет память, в Венецианском университете «Ка Фоскари» Андрей Анатольевич Зализняк посвятил одну из своих лекций основным вопросам, рассматриваемым в его блестяще написанной и прекрасно аргументированной работе-шедевре *«Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста»* (как известно, третье издание этой книги вышло в свет осенью 2008 г.).

За лекцией последовали разговоры; и речь зашла, между прочим, о средневековых произведениях, которые нам передал единственный список (codex unicus, как сказал бы профессиональный итальянский филолог-архаист). Я заметил, что также древнеанглосаксонская героическая поэма неизвестного автора – «Beowulf» – сохранена единственным списком, восходящим к X в. Но тогда я не вспомнил довольно любопытную деталь – эта рукопись оказывается слегка обожженной пожаром, который в XVIII в. едва не уничтожил ее.

****

Подлинное – не подлинное.

а) Два главных действующих лица набоковского романа «Pale Fire» – Джон Ф. Шейд, автор 999 строчек поэмы «Pale Fire», и Шарльз Кинбот, автор невероятно объемистого комментария к этой поэме. Сам Набоков, как известно, в отношении к «Слову о полку Игореве» не представлял себя скептиком; однако в данном романе он пародирует скептические реконструкции. Его персонаж Кинбот в своем комментарии упоминает некоего русского авантюриста и даровитого поэта Ходынского (Hodinski), «известного также под кличкой Ходынка», который в Зембле (Zembla – «a distant northern land») стал к концу XVIII в. придворным goliart'ом (court jester) и любовником принцессы (затем королевы) Яруги, утонувшей вместе с ним в 1800 г. «в проруби (in an ice-hole) во время традиционных новогодних гуляний». «Говорят, – пишет Кинбот, – этот Ходынский сочинил на досуге (forged in his spare time) знаменитую древнерусскую chanson de jeste, обыкновенно приписываемому безымянному барду XII столетия».

б) Во многоплановом и многослойном романе «Les Fleurs bleues» Raymond'a Queneau некий герцог д'Ож, «уездный» аристократ-рационалист, проживающий в конце XVIII в. в старинном замке в Périgord'e (область юго-западной Франции), ведет горячие богословские диспуты с местным аббатом. Он твердо убежден, что Адам не был первым человеком – до Адама существовали издревле своеобразные люди – Préadamites.

Весной 1789 г., в то время, как представители États Généraux собираются в Париж, герцог д'Ож вместе со слугой верхом добирается до отдаленной глубокой пещеры (по-видимому, Lascaux – эта пещера была впервые открыта в 1940 г.) и разрисовывает ее стены. Таким образом, через несколько дней наш герцог может доказать аббату, что существование Préadamites – «непреложный факт».